

4. Должна ли Беларусь осуществить какой-либо стратегический выбор? Если да, то какой: Союзное государство Беларуси и России/Евросоюз/СНГ? Являются ли эти альтернативы взаимоисключающими? Что следует сделать, чтобы воплотить их в жизнь?

Ольга Абрамова

В военно-политическом союзе с Россией мы будем, давайте рассуждать трезво. Возможен и ряд других союзов из тех, в которых Беларусь участвует либо может участвовать (например, в Шанхайской организации). Если это выгодно – значит, там надо быть. Если это целесообразно – значит, там надо быть. Что касается альтернатив, то я, собственно говоря, не вижу, почему нельзя быть в союзе с Российской Федерацией, не входя в неё, а имея особые отношения, и в то же время установить такие же особые отношения с Западом. Более того, совершенно идеальный вариант – когда и Россия стала бы двигаться в направлении интеграции в европейские структуры на основе, конечно же, взаимного желания и взаимной выгоды.

Сегодня для Беларуси вопрос вхождения в евроструктуры вообще не стоит. В отдаленном будущем он может возникнуть. Но здесь как раз традиционный pragmatism белорусов сработает во благо: нас, как и Украину, не хотят видеть в Европе. Очень многие европейские политики (причем обладающие политическим весом, «тяжеловесы») неоднократно выступали в последнее десятилетие на различных международных конференциях, форумах высокого уровня с такими определениями: «Надо четко сказать России, Украине, Беларуси, что они никогда не будут в Евросоюзе. Не потому, что мы не хотим их там

видеть, а потому, что слишком велики обязательства Запада перед предыдущим эшелоном, перед центральноевропейскими странами, слишком велики наши материальные, финансовые обязательства. Мы просто не потянем новых членов». Это, может быть, и благо. Знаете, иногда лучше постоять в сторонке и посмотреть, во что всё выльется. Мне ни в коем случае не хотелось бы оказаться в положении просителя, касается ли это потенциального вхождения в Россию (с чисто прагматической точки зрения, хотя я не приемлю такое и политически) либо в Евросоюз. С просителем соответственно и обращаются – как с банановой республикой, которая не имеет права голоса. На что она может претендовать, если так просилась и билась во все двери, как мотылек в стекло горящей лампы? Это не тот вариант. Очень даже неплохо, что у Беларуси будет время (я думаю, 10–15 лет) хорошо осмыслить, какова судьба соседей, вошедших в данное пространство, плюсы и минусы процесса. Такой анализ помогает в последующем (если принимается решение о вхождении в ту или иную структуру) существенно сократить путь и двигаться согласно наиболее эффективному варианту. Не методом проб и ошибок, а отбрасывая всё то, что нам не подходит, что для нас неприемлемо, и заранее оговаривая те условия, которые выдвигаются с нашей стороны, а не только со стороны принимающей.

Поскольку мы – страна, которая находится... не скажу, на разломе цивилизаций, но во всяком случае – на столкновении цивилизационных типов, у Беларуси миссия более сложная, и нам сложнее артикулировать наши национальные и государственные интересы. Наш интерес – отказ от окончательного цивилизационного выбора. И это тоже выбор. По крайней мере, не надо с ним спешить. Пусть мировая политика станет более определенной. ХХ век принес слишком большие потрясения, включая и распад Советского Союза. Пусть проявятся константы более четко, чем они определены сейчас. И тогда Беларусь найдет – гибко, разумно,rationally – свое место не только в европейской, но и в мировой политике.

Светлана Алексиевич

Самое реальное – союз с Россией. Но это всё-таки должны быть два отдельных государства, а не единое. Для этого должна проводиться грамотная политика, грамотное воспитание – начиная с детских садиков. Нужно готовить элиту, а не тешить себя иллюзиями. На советских кухнях тоже все время говорили, что главное – скинуть коммунистов. Скинули, и что? Оказалось, никто не готов к тому, что надо делать дальше. А страна все же гораздо больше Беларуси...

На равных в Европу для нас войти невозможно. Никто в Европе не ждет с распластанными объятиями разоренную страну. Там идет очень жесткая борьба за рынок – даже среди тех стран, которые давно вошли в это пространство. А у нас нет никакого другого товара, кроме нашей мечты – мечты о том, что мы хотим войти в Европу...

Евгений Бабосов

Беларусь свой стратегический выбор сделала. Он состоит в том, что страна должна проводить многовекторную экономическую, политическую, культурную политику. Не только союз с Россией, но и союз с Евросоюзом. Но это должно быть сделано на началах взаимопонимания, взаимопринимания. Не только мы принимаем, но и нас должны принимать, как мы есть. В этом смысле, конечно, от России отрываться не стоит. С Евросоюзом – искать выходы туда нужно. Что касается СНГ, это рыхлая, неэффективная и, реально говоря, ни к чему не годная организация. И когда из нее выйдут Украина и Грузия (а скорее всего, они выйдут), тогда неизвестно, с кем же нам из СНГ объединяться. С Киргизией? Она тоже, скорее всего, выйдет. С Казахстаном? Да, но там половина русских и белорусов живет – я там был и знаю: северная часть Казахстана (я ездил на целину с Рыгором Бородулиным) – там белорусы, украинцы, русские, а казахов было очень мало. Сейчас они немножко там размножились...

Так что я думаю, Союзное государство Беларусь и России нужно. Но это не значит, что надо отрываться от Европы. Многовекторность: на восток, и на запад, и на юг, и на север. С Украиной – дружить! Потому что можно не дружить

с Ющенко (допустим, кто-то его не любит) или с Януковичем, но Беларусь, Россия и Украина вышли из одного корня. И когда-то Богданович говорил, что у нас один народ, но в трех ипостасях – белорусский, русский и украинский. И культура у нас не одна славянская, а три. Из одного корня, но три! И деться от этого некуда, оторваться нельзя. Я хорошо знал покойного академика Лихачева. Он говорил: «Киев – колыбель земель русских». Не «русских», а – «руських», через «Русь»: Белая, Черная, Малая и Великая. Правильно говорил, что Киев – это никакая не Украина (Украина возникла потом), Киев – это прорусская земля. Оттуда христианство пошло в православной версии. От этого же отказываться нельзя! Поэтому я думаю, что нужно искать союз не только на восток – с Россией, но и с Украиной обязательно. Можно любить или не любить правительство, но народы-то остаются.

А почему не дружить с Литвой? Жили ведь в одном государстве. На все четыре стороны должна быть стратегия направлена, на входжение в мир. А почему нам, допустим, не развивать отношения с тем же Востоком, с тем же Израилем? Там же из пяти президентов, которые были в Израиле, трое – из Беларуси родом, свои люди. Ну, евреи. Ну и что? Если с ними поговорить, то, наверное, и беларусскую мову даже знают, думаю.

Значит, эти стратегические выборы взаимоисключающими быть не могут. Они должны быть взаимодополняющими – на север, восток, юг и запад. Беларусь должна быть открытым государством и открытым обществом. Это не одно и то же. Открытое общество должно впитывать в себя слева и справа, с востока и с запада, с юга и севера – и отдавать туда же! Только тогда будет взаимообогащение культур, цивилизаций. И только тогда она будет уважаемой страной везде.

Для того чтобы воплотить в жизнь этот стратегический выбор, надо оставаться верными самим себе, оставаться белорусами в этом мире и всячески приумножать духовные традиции, которые делают Беларусь Беларусью. Потому что, в конце концов, чем отличается один народ от другого? Чем отличается Франция от Англии? Да культурой же отличается! Мода – та же самая, едят – тоже самое, пьют коньяк – тот же самый, смотрят порнуху – ту же самую, кинофильмы голливудские, американские – те же самые. А чем-то же отличаются!

В этом смысле у французов надо учиться. Старшее поколение хорошо помнит, и младшее, наверное, знает Мириэль Маттье, знаменитую певицу. Когда началась американская экспансия – насаждение американализма, начиная с МакДональдса, американизация (вестернизация = американизация), она выступила с концертом. Она десять лет не пела и выступила с концертом на два с половиной часа «Made in France» («Сделано во Франции»). В этом концерте она пела и одновременно рассказывала: сравните то, что мы поглощаем, американскую культуру, американские фильмы – и французские. Понятно? Сравните американскую оперу – и французскую. Сравните американский роман – и французский. Сравните американский театр – и французский. Так что мы говорим? Кто у кого должен учиться? И после этого (она сыграла колоссальную роль!) ее любят во Франции и до сих пор. Было такое общественное мнение, что все вывески во Франции – нам надо учиться! – все вывески, кроме МакДональдса, – на французском языке. Только МакДональдс – потому что всемирно известный. Остальное всё повыбрасывали, оставили только на французском. Если вы поедете во Францию и возьмете визитку, где на одной стороне будет на русском языке написано «Иванов», а на второй – на английском языке, а французского не будет, вас просто сочтут невежливым человеком. Если ты едешь во Францию – ты напиши на своем национальном, и тебя поймут. Не поймут, так переводчика возьмут! А если ты написал на своем, на английском, а поехал к французам – какого черта ты туда едешь?

И еще одна вещь. Французское телевидение (там несколько каналов) приняло решение, что кинопрокат, который идет через французское телевидение, должен иметь 20% американских фильмов, а остальные – европейские. Итальянское кино (не американское! Классики где?), французское кино, бывшее советское кино – до сих пор, кстати, оно ценится. Когда показали «Ромео и Джульетту» нашего, советского производства, за границей, там все плакали: почему мы такого не сделали?..

Так что для того чтобы воплотить эти стратегии в жизнь, надо, во-первых, оставаться самим собой. Во-вторых, знать, что ты европеец и к тебе такие же требования, как к французам, шведам. И нисколько мы шведам не уступаем, ни

в чем. Если мы уступаем в чем-то, то великим нациям – Франции (прежде всего в культуре) и Англии (в цивилизации), и всё! Немцам ни в чем не уступаем.

Анжелика Борыс

Мне не нравится слово «должна». Беларусь вправе сделать любой стратегический выбор, однако он должен соответствовать воле белорусского народа. А вот для того чтобы народ мог высказать свою волю, должны возникнуть условия. В первую очередь необходима свобода доступа к информации, со-стязательность мнений и умение вести общественную дискуссию, в которой большинство научилось бы прислушиваться и уважать мнение меньшинства.

Ирина Бугрова

Самоидентификация в большинстве стран совпала с либеральным периодом.

После 11 сентября 2001 г., с началом III тысячелетия, стартовал новый период возрождения национальной идентичности. Мир возвращается к блоковой системе: если ты ходишь в мою «песочницу», то ты не смеешь, не долженходить в «песочницу» моего соседа. Все это возвращение к блоковой системе ни к какому позитивному результату не приведет. Современный глобальный мир по своей природе открытый, а блоковая система ведет к возвращению в эпоху архаических войн («винных», «минеральных»), что мы наблюдаем уже теперь. Авторитета «Большой восьмёрки» и Совета Безопасности ООН недолго хватит для того, чтобы «разруливать» такие ситуации.

Если бы Беларусь занималась нормальной внешней политикой, то оптимальным выбором для нее был бы нейтральный статус. До вступления в Евросоюз нам еще очень далеко. Нам еще предстоит пройти очень непростой период адаптации.

Генадзь Буравкин

Такой выбор должен быть. Но это не значит, что он есть. Для меня бесспорно, что Беларусь должна быть самостоятельной. И поэтому никакого единого союзного государства я не вижу. И поэтому прихода в Евросоюз каким-то бедным родственником я тоже не вижу. Я считаю, что Беларусь должна быть самостоятельным государством, самодостаточным народом, который должен развиваться в интересах своих людей, и, имея ту территорию, которую нам дал Бог, и соседи, и мы сами взяли, мы должны приучить и себя и других к тому, что мы должны чувствовать себя абсолютно равными в мире и абсолютно самостоятельными. Поскольку абсолютной самостоятельности в сегодняшнем сложном мире быть не может, то, бесспорно, у нас должны быть отношения с соседями, прежде всего, и со всем миром тоже – мы ведь не какая-нибудь внеземная цивилизация, мы тут, на этой земле, где столько государств, столько народов. И мы должны с ними быть. И бесспорно, у нас будут теснейшие связи и отношения – и государственные, и культурные, и даже чисто человеческие – с Россией, Украиной, Польшей, Литвой, они близайшие к нам соседи, с которыми у нас очень много общего в истории. Пожалуйста, заключайте взаимовыгодные двусторонние соглашения, заключайте даже двусторонние союзы, только – опять же хочу подчеркнуть! – не военные, потому что «белорусы – мирные люди», как поётся даже в нашем сегодняшнем государственном гимне. Мы мирные люди, и поэтому нам не надо входить ни в какие военные союзы. Это была отличная задумка, которая, к сожалению, не осуществилась, когда, думая о судьбе суверенной Беларуси, сделали одной из обязательных записей такую: «Беларусь должна быть безъядерным, нейтральным государством». Я думаю, что тут действительно обозначен путь, по которому мы должны идти. А союзы – пожалуйста! И с Россией, и с Польшей, и с Литвой, и с Америкой, и с Францией, и с Германией. Но при одном условии: все эти союзы должны быть на пользу самостояльному белорусскому государству, на пользу белорусам и с обязательным учётом интересов белорусов. С учётом интересов и россиян, и немцев, и поляков, но на первом месте – белорусов.

Я думаю, у нас хватит людей достойных. Это только недостаточно образованные и несерьёзные люди говорят, что у нас не хватает умных, талантливых людей. Людей у нас хватает. У нас не хватает условий, которые должно создавать государство для того, чтобы эти талантливые умные люди показывали вершины своего ума, своей образованности, своей профессиональной подготовки и чтобы им были открыты возможности занимать в государстве такое положение, как позволяют таланты, данные им Богом, или же родителями, или же землёй нашей родной белорусской. Если это будет, то я не сомневаюсь, что всё будет хорошо и мы найдём тот баланс взаимоотношений с Востоком и Западом, с далёкой Африкой и близкими европейскими странами. Думаю, если мы разумно обустроим наше государство, проблем не будет. У нас есть выгодное положение: мы на путях взаимосвязей, взаимоотношений, взаимосотрудничества очень многих развитых серьёзных государств.

У нас превосходная природа. Не зря наши болота называют лёгкими Европы. Видите – и тут Европа. Самим богом мы завязаны на Европу. Без лёгких человек жить не может, ему надо дышать. А лёгкие Европы завязаны на Беларусь...

Может быть, я немного идеалистическую картинку рисую, но хотелось бы этого. Думаю, что проблем не будет: если Беларусь будет чувствовать себя самостоятельной, самодостаточной, достойной, тогда наши политики найдут реальные формальные способы как-нибудь так оформить, чтобы мы никого не обижали и нас никто не обижал.

Белорусы умеют трудиться. У нас достаточно серьёзный уровень научного потенциала. У нас есть интересная, неповторимая культура. У нас есть руки. И, как говорит один из наших политиков, мозги есть. Не у всех, но есть.

Так что я не вижу проблемы «куда». Нужно думать не о том, куда нам клониться – на Запад или на Восток, а о том, как нам самим себя обеспечить нормальной жизнью и нормальными взаимоотношениями с другими, и клониться к тому, кто (простите за это прагматичное слово) наиболее выгоден для Беларуси, для белорусского государства, для белорусского народа.

Алесь Бяляцкий

Учитывая, что я «еврофил», я считаю, что единственный путь, который может вывести Беларусь на хорошую колею и не будет слишком длинным (всё остальное будет просто замедлять этот путь), – это вступление в Евросоюз. На сегодняшний день мы находимся между двух мощных образований: с одной стороны Евросоюз, с другой – Россия. И даже если чисто логически подумать по стандартам, которые у нас существуют в данное время, выжить нам одним будет невозможно: мы всё равно будем находиться под влиянием, нас будет лихорадить, нас будет трясти, нас будет «колбасить» всё время, пока мы не определимся. Это достаточно важно для нас: определиться, как можно скорее провести реформы, изменения (это касается образования, экономики, подходов к культуре, к правам человека, всему социальному блоку). Вступление Беларуси в Евросоюз для меня просто проблема номер один. Самое главное, что нам надо было бы сделать, – «вскочить» как можно скорее туда. Так, как это сделали прибалтийские страны, этим самым обезопасив себя от кучи угроз.

Как и в НАТО! Я уверен: пока Беларусь не будет в НАТО, вступление в Евросоюз далеко не решит всех наших проблем, поскольку на востоке у нас сегодня такое соседство... Это будут определённые гарантии. Для меня как для правозащитника стандарты Евросоюза на сегодняшний день являются высшими стандартами прав человека из существующих. Стандарты по развитию национальных культур, по развитию локальных сообществ там достаточно высоки, хотя, может, они и не совершенны, но ничего совершенного нет. Всё это позволяет нам получить хороший фундамент для отстройки, для реконструкции, поднятия нашей нации после 90-летнего упадка.

Я считаю упомянутые выборы взаимоисключающими, это несовместимые вещи. Нам надо определиться! Не может быть Беларусь одновременно одной ногой там, а другой там. Иначе просто раздерут.

Другое дело, что скориться, конечно, нельзя и не нужно. Занимать позицию тупых русофобов или ещё каких-то «фобов» абсолютно не стоит. Как бы то ни было, я не рассматриваю Россию как «потерянную страну». Это страна, у которой есть нормальный потенциал для развития, просто ещё не пришло её время.

Оно, возможно, придёт (тут я с Ковалёвым согласен) через 40 лет, через 60... С другой стороны, надо строить свои отношения, безусловно ориентируясь на Евросоюз. Не строя никаких иллюзий на ближайшие 20–40 лет, что мы можем с Россией что-то такое стоящее внимания построить.

Александр Вайтович

Несомненно, что Беларусь в своей внешней политике должна руководствоваться своими национальными интересами. Нужды экономического развития, географическое расположение требуют от нас хороших отношений как с восточными, так и с западными соседями. Нынешнее состояние этих отношений приводит меня к выводу, что необходимо сохранить стратегическое партнёрство с Россией и совместно продвигаться к единому экономическому и гуманитарному пространству с Евросоюзом.

И ешё я хотел бы остановиться на двух обстоятельствах.

Первое. Думаю, что термин «союзное государство» юридически не обоснован, так как он означает одно, а не два суверенных государства.

Второе. Почти в каждой своей речи высший чиновник страны делает недопустимые выпады в адрес различных стран – и соседних, и более далёких. Это наносит огромный ущерб нашей стране. И поскольку я вырос в деревне, то у меня такое поведение вызывает ассоциации с чересчур сварливым дядькой, которого никто в деревне не любит.

Андрей Вардамацкий

Думаю, сейчас неправильно ставить вопрос в терминах «или–или». Сейчас было бы адекватно ставить вопрос в терминах «и–и». Адекватно с точки зрения национального характера, ментальности, экономической ситуации, нашего геополитического положения. Такова наша геополитическая, ментальная и экономическая судьба! И это нормально. Тут нет чего-то унизительного в смысле «продажной девки» и т. д.

Даже если говорить на чисто экономическом уровне! Ведь у нас, с точки зрения финансовых объёмов, сейчас уже нет ориентации ни в сторону только России, ни в сторону только Европы. И там и там мы видим большие финансовые цифры. И на восточном, и на западном векторе мы видим движение распространения нашей ориентации, нашей ментальности. И там и там мы видим свои исторические корни.

Винцук Вячорка

В вопросе – формализм. Не будем размышлять о степени реальности/фиктивности «союзного государства» или СНГ. Можно формально оставаться в СНГ (как Украина), но постепенно приближаться к настоящей цели. На самом деле выбор есть цивилизационный, а в каких институциональных формах и в какой последовательности он произойдёт – сперва НАТО, а потом Евросоюз, – это уже тактика.

Другой выбор – сперва Россия, а потом (как видим) Китай, Шанхайская организация сотрудничества или что-нибудь подобное – противоречит европейской сущности Беларуси и осуждён на провал.

Павел Данейко

Я бы сформулировал этот вопрос по-другому, с ценностной точки зрения: белорусы – это Европа или Россия? То, как формулируете вы, это различные политические конфигурации, союзы. Но если ценности – это навсегда, то союзы – на время. Любые союзы. Поэтому первичный вопрос: кем себя видят и ощущает Беларусь? Я думаю, что она себя ощущает частью Европы. Мы можем проводить разные социологические исследования, пытаясь получить лобовые ответы на лобовые вопросы. Я думаю, все они будут ложью. Кроме явного, осознаваемого нами знания есть неявные представления о реальности, которые актуализируются в моменты выбора. Поскольку у белорусов еще не было выбора, они еще не стояли перед этой проблемой, то до сих пор это представление неактуализировано. Но мое ощущение таково, что выбор

в Беларуси сделан однозначно большинством населения, абсолютным большинством. И totallyno.

Андрей Дынько

Выбор между принадлежностью к Евроазиатскому экономическому сообществу и Евросоюзу – взаимоисключающий. Нельзя быть и там и там: надо выбирать. Но есть иной выбор: «финляндизация» Беларуси. Статус нейтрального государства, имеющего одинаково хорошие отношения как с Россией, так и с Евросоюзом. Я думаю, что для варианта «финляндизации» шансы были в 1990-ых годах. Теперь, после того что мы пережили при Лукашенко, фактически под российским протекторатом, и если смотреть на тенденции вокруг Беларуси и в самой Беларуси, я склонен думать, что в ближайшие 10–15 лет Беларусь сделает выбор в пользу вступления в европейские и евроатлантические структуры.

Светлана Калинкина

Мне кажется, что СНГ вообще доживает последние дни. Поэтому в какой-либо перспективе рассматривать это объединение не имеет смысла. Хотя в том или ином виде могут существовать какие-нибудь межгосударственные... не союзы, а консультационные органы стран бывшего Советского Союза. Но я думаю, что это не будет СНГ и даже не будет что-то формально строгое. Это скорее будут образования по интересам или по географическому соседству.

Сейчас актуальный вопрос – это союзное государство и вообще вхождение в состав России. Актуальный потому, что рассматриваются и политологами, и политтехнологами (и нашими, и российскими) различные варианты продолжения политической карьеры лидеров – и Лукашенко, и Путина. И понятно, что один из вариантов (по мнению некоторых, даже самый простой) – это объединение государств. Для Беларуси это очень и очень опасно. Ещё и потому, что в России сейчас какой-то ренессанс имперских настроений и очень много появилось политиков и политологов, которые именно так настроены: чтобы возродить величие

России, надо прирастать новыми землями! Понятно, что в этом смысле Беларусь для них – очень интересный «партнёр». Это большая опасность! И мне кажется, что сейчас здесь, в Беларуси, внимательно слушая нашего лидера, говорящего, что он ни в коем случае не сдаст суверенитет Беларуси, мы как-то успокоились. Но в то же время мы хорошо знаем Лукашенко: ему сегодня сказать одно, а завтра сделать другое никаких трудностей не составляет. Мне кажется, именно этому сейчас надо уделять наибольшее внимание.

Относительно Евросоюза. Понятно, что если мы будем рассматривать идеальные схемы, то место Беларуси – в Европе и Евросоюзе. Но я думаю, это возможно только в том случае, если и Россия вступит в Евросоюз. Такие варианты рассматриваются... Знаете, 60 лет назад не было НАТО. А 20 лет назад никто не мог предположить, что не будет Варшавского договора. Всё меняется, и наверняка это произойдет. И если в России не будет какого-нибудь поворота к левым позициям, если левые не придут к власти, то я думаю, что исторически в этом направлении будет идти развитие. Союз Германии, России и Франции geopolitisch мотивирован, и всегда, если проследить за ходом истории, были попытки создания именно таких союзов. Понятное дело, с различными результатами... Поэтому я не исключаю, что именно так будут развиваться события. Тогда, мне кажется, и Беларусь будет в Евросоюзе.

Сергей Калякин

Не надо никогда ничего опрометчиво разрушать: к примеру, сегодня Беларуси заявлять о каких-то шагах, о выходе из СНГ, прекращении членства в Союзе Беларуси и России. Потому что опрометчивые шаги всегда могут привести к очень плохим последствиям для Беларуси и ее народа. Всё нужно делать очень осмотрительно. Нужно вступать в любые союзы и заключать любые соглашения – пять раз подумав. Но когда они действуют много лет и решают определенные проблемы, то нужно ещё больше подумать, прежде чем оттуда выходит. Это очень сложный вопрос.

Что касается вступления в Евросоюз. Во-первых, здесь не всё зависит от нас. В настоящий момент вопрос о вступлении Беларуси в Евросоюз не стоит

на повестке дня Евросоюза. Сегодня не стоит и ближайшие пару десятков лет (а скорее всего, около 30) стоять не будет. Им бы завершить объявленный этап расширения Евросоюза и справиться с центробежными тенденциями, которые возникают в самой объединенной Европе в силу довольно существенного расширения за счет присоединения стран с очень разными экономическими, политическими и другими системами. Поэтому ставить в повестку дня вопрос о вступлении Беларуси в Евросоюз, на мой взгляд, большое забегание вперед и несоответствие существующим реалиям.

У нас есть другая очень важная задача, касающаяся нашего взаимодействия с расширяющейся Европой. Мы единственная страна, которая оказалась вне рамок программы «Новые соседи», объявленной Евросоюзом. Нам нужно решать проблему: как включиться в программу, которая позволяет отладить взаимоотношения с расширяющейся Европой. Ведь ситуация изменилась! Если раньше мы могли осуществлять взаимодействие с Польшей, Литвой, Латвией, другими государствами, которые вошли в состав объединенной Европы, «сам-насам», то сегодня мы вынуждены согласовывать всё с «большой» Европой. А там уже интересы другие. Теперь Польша должна своими интересами иногда поступаться в рамках общей Европы. И это вредит интересам Беларуси, но Польша выбрала такой путь. На данном этапе нам нужно, вступая в отношения с объединенной Европой в рамках программы «Новые соседи», пытаться получить для себя лучшие возможности взаимоотношений. Может быть, даже какие-то исключительные возможности! И сегодня в определенной части Европа на это может пойти. Я имею в виду сохранить особые отношения – экономические, политические, приграничные – с теми странами, с которыми мы раньше имели двусторонние отношения без общей Европы.

Безусловно, мы должны быть заинтересованы в том, чтобы Европа была открыта для нас – это сегодня один из самых больших рынков: 450 миллионов населения – это один гигантский рынок, куда мы должны стремиться. С нашими товарами, с нашими услугами, с нашими продуктами... Это очень непросто. Но самоизолируясь, не выстраивая добрососедских, дружественных отношений с объединенной Европой, мы потеряем этот рынок. А борьба за него идет, и яркий пример тому – экспансия Китая на рынок Европы и США.

Но мы не должны забывать, что Европа – это только одна часть наших соседей. Есть и другие – та же Украина и тем более Россия. Поэтому если сегодня у нас есть особые отношения с Россией, которые выгодны Беларуси, мы должны их сохранять. Не надо их разрушать! Ещё раз говорю: разрушив их, мы не получим ничего взамен. Ведь Россия – это не только энергоносители, не только сырьё. Это тоже рынок, и довольно серьёзный рынок сбыта для нашей продукции. По основной номенклатуре продукции он для нас является основным, хотя в торговом балансе сегодня количественно Европа, может, уже превосходит Россию по экспорту. Но если оттуда отнять реэкспорт российских энергоносителей (нефти и газа), то получится совсем наоборот. Поэтому нам не надо уходить с российского рынка, потому что туда придет, например, тот же Евросоюз: он будет очень заинтересован в том, чтобы занять наше место.

Беларусь не должна вести политику «или Европа, или Россия», о которой мы говорим, нет! Мы должны вести отношения «и Европа, и Россия», причем учитывать, что у нас с Россией уже исторически сложились отношения, а с Европой их нужно выстраивать. Поэтому я, не ломая отношений с Россией, а кое-где переводя их из спекулятивных в реальные, в то же время выстраивал бы отношения с Европой. И нужно убеждать Европу, что дружить с Европой «против России» так же вредно для Беларуси и Европы, как дружба Беларуси и России «против Европы».

На мой взгляд, Беларусь -- страна, которая не может иметь геополитических амбиций. Мы по всем параметрам не Китай, не Индия, тем более – не Соединенные Штаты Америки, не Россия. Поэтому мы должны использовать свое геополитическое положение и выстраивать дружеские отношения со всеми странами, ища выгоду от них. И, может быть, пытаться оказаться связующим мостом между этими конкурирующими мировыми системами.

Кася Камоцкая

Насчёт Евросоюза и СНГ – это, конечно, взаимоисключающие выборы, но в Евросоюз нас никто и не зовёт. Я, понятно, могу заявить, что нам срочно туда нужно, но...

Я ориентирована проевропейски. В Москве я не была, наверное, двадцать лет, а изо всяких «Польш и Литв» не вылезаю. Ясно, что мне это ближе.

Но российский фактор не то что не исключён – он есть! Соседей не выбирают.

Но может быть и нейтралитет. Я считаю, что нейтралитет, заявленный в Декларации о независимости, – это очень-очень важно. Невхождение во все союзы мне тоже кажется очень важным. И, может быть, это единственная возможность этому маленькому государству удержаться, не быть поглощённым. Потому что всё же Беларусь – небольшая страна, её очень легко «размыть».

Сергей Костян

Независимых государств в мире нет. Если сегодня взбунтуется Япония, то вся космическая наука и космическая деятельность Соединённых Штатов за одну неделю развалится. И если взбунтуются другие страны и откажутся экономически сотрудничать с Японией, вся её экономика обвалится в один момент. Поэтому говорить о некой полной независимости, я думаю, неправильно. А вот какой выбор делать Беларусь – на этот вопрос ответ уже дан. Она сделала свой выбор: быть в союзе с Россией, быть в союзе с Украиной. И это надо как русскому народу, так и украинскому, и белорусскому. И, в конце концов, это надо всем тем народам, которые жили в составе Советского Союза. Не помню, на каком форуме (то ли в Афинах, то ли ещё где-то), выступал представитель Германии, он так сказал: «Если выживут и объединятся три славянских народа – русские, белорусы и украинцы, то Германия как нация сохранится и в XXII веке будет жить как самостоятельная историческая нация. Если эти народы не объединятся, уже в XXII веке никто не будет знать, что было когда-то германское национальное государство». Я думаю, что этим всё и сказано.

Вячеслав Кебич

Я уже один раз сказал и теперь повторяю: это должен быть постепенный переход. Дело в том, что упущено время. Будучи председателем Совета мини-

стров, я объездил почти все страны Европы. И тогда я был еще с партийным билетом, я был членом КПСС, но никогда никто ни во Франции, ни в Италии, ни в Испании, ни в других европейских странах мне не задавал вопрос: «Вы член партии или не член партии?». Во-первых, они отлично понимали, что председателем Совета министров по тем временам некоммунист не мог стать. Я брал кредиты в этих странах, вел переговоры на равных. И тогда не ставился вопрос о противостоянии. И не ставился вопрос тогда о вхождении. А теперь мы знаем, что все эти отношения приобретают со временем все более и более политический характер.

Насчет альтернативы отношений: по отношению к России альтернативы нет! Просто нет, потому что мы не готовы быть совершенно не зависимым от России государством. Всеми своими энергоресурсами мы завязаны только на Россию. И, как вы понимаете, на Россию с точки зрения энергоресурсов связана не только Беларусь, а все страны Европы, почти все. Норвежского газа и норвежской нефти далеко не хватает Западной Европе. Может быть, потому и есть отношения европейских стран с Россией, чтобы не лишиться тех энергоресурсов, которые есть в России.

Но тесных связей у России сегодня нет. Был Шрёдер – была дружба, был Берлускони – была дружба. Не будет Шрёдера, не будет Берлускони – всё это надо восстанавливать по-новому, потому что сегодня российско-евросоюзские отношения покоятся на личных качествах лидеров. Меняются лидеры – меняются и взаимоотношения.

Анатолий Лебедько

У людей должно быть право осознанного выбора. Если не будет ценностей, если мы не решим этот вопрос, то не сможем и говорить, чего хотят люди. Ни один социологический опрос сегодня не даст нам зеркального среза. Люди должны делать осознанный выбор, а для этого у них должна быть информация. Что такое СНГ реально? В цифрах, в фактах, в проекции того, что есть, и того, что будет... Также – что такое Европейский Союз? Что, у наших людей есть такая информация? Нет! Если мы не решим этого, то вопрос останется только

для политологов, для дискуссии на уровне людей, имеющих эти цифры. А для остальных надо решить первый вопрос – вернуть демократию в Беларусь. Вот тогда мы сможем сказать, куда на самом деле хотят идти белорусы. Согласно социологическим опросам, получается, что у нас процентов 30–35 хотят быть одновременно и в Европейском Союзе, и иметь какие-то особые отношения с Россией. Это тоже говорит о том, что у людей нет информации, им не хватает этой информации.

Что касается СНГ, само время отвечает. Сегодня Украина и Грузия ставят вопрос о выходе из СНГ. Думаю, если бы это был сильный экономический проект, то они не предпринимали бы таких мер. Если бы это отвечало национальным интересам, такой проблемы не существовало бы. СНГ на сегодняшний день превратилось в структуру по трудуустройству людей вроде Бородина и других – с прекрасной зарплатой, и больше ничего. Фактически оно не выдерживает конкуренции с Европейским Союзом.

Думаю, что этот вопрос для Беларуси может решаться, в первую очередь, через двусторонние отношения. А выбор – Европу в Беларусь. Или что, экспорт китайской цивилизации либо азиатской? Выбор уже сделан! Я считаю нелепым, когда у нас в Минске серьёзно рассматривают перспективы, чтобы тут чуть ли не в каждой школе изучали китайский язык. Подобное мне кажется алогичным. Английский язык – да, поскольку мы часть Европы и географически, и политически, и ментально. А китайский... Это что, наш механизм разрешения демографического вопроса? Через 20 лет наши граждане, белорусы, будут вымирать, а мы будем завозить жителей Азии и делать чайнатауны в каждом районном центре? По крайней мере, такие впечатления создаются от действий белорусской власти.

Китайский вектор в экономике на будущее? Для этого надо иметь профессиональную группу специалистов, но не нужно решать проблему на уровне всей системы образования – это разные подходы. Конечно, надо, чтобы были люди, которые вели бы переговоры с Китаем, ведь Китай – большой рынок. Но это достаточно узкая специализация, хватит одного отделения на факультете в Лингвистическом университете!

Василий Леонов

Да, такой выбор нам надлежит осуществить и договориться о том, какой должна быть страна. Предложения по этому вопросу белорусско-российский фонд «За Новую Беларусь» сделал партиям и общественным организациям. Надеюсь, что по завершении «послевыборных разборок» мы к этому вернемся.

Олег Манаев

Я реалист и стараюсь реально смотреть на вещи. Если бы я не видел того социального расклада в обществе, о котором сказал вначале, если бы не видел, что у нас есть серьёзная база для европейского пути, т. е. «евробелорусов» было бы не 30%, а 3%, – я бы так не рассуждал. Вполне вероятно, что и моя реальная биография была бы другой: или я давно уехал бы на Запад, или тут занимался бы чем-то другим... Так что европейские перспективы для Беларуси дают мне вполне определенные надежды и базу для деятельности.

Такой серьезный вопрос, как geopolитический выбор страны (в любой ситуации, говорим ли мы, например, об Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке или Европе), – это прежде всего выбор людей, граждан, выбор общества, выбор элит, выбор руководства. И в нашей стране этот выбор должен быть сделан.

Я знаю немало людей, которые считают, что такой выбор Беларуси не нужен, давайте, мол, использовать преимущества одной и другой сторон. Даже президент как-то говорил, что «ласкавае цялятка дзъве маткі съсе». Я считаю такую точку зрения ошибочной. Ошибочной не в каком-то абстрактно-политическом или культурологическом смысле, а в совершенно конкретном. Динамика развития мира усиливается с каждым десятилетием. Мир стремительно и глубоко глобализуется, последствия этого видны повсюду – в экономике, культуре, информационной, военной сферах и т. д. И когда страна, нация, народ, элиты, руководство не принимают такого выбора – на рациональной основе, чтобы получить определенные культурные, политические, экономические и прочие выгоды, – они отстают, не встраиваются в эти процессы. Жизнь уходит вперед,

и те народы, общества и государства, которые такой выбор не делают, не только теряют перспективы в будущем, но и упускают вполне конкретные выгоды сегодня. Причем скорость глобализации усиливается, и чем дальше наш выбор будет отодвигаться, неважно, под каким предлогом, тем больше мы будем терять (в скобках замечу, что говорю о выборе вообще как геополитическом самоопределении страны – не важно, европейском или евразийском). Это будет бесконечная потеря. Мы можем ретроспективно посмотреть на историю тех государств и народов, которые не сделали такой выбор вовремя – они либо вообще исчезали, либо становились частью другого народа, другого государства, другой культуры. В конце концов, чаша сия не минет и Беларусь, если наш выбор будет бесконечно отодвигаться.

Какой выбор нужно сделать? Это вопрос не научный, а политический. И тут уже логика рассуждения должна быть иной. Вновь подчеркну, что я не политолог и не политик. Но могу представить, как я рассуждал бы об этом, если бы был политиком. Я бы рассуждал исходя из той реальности, какая «дана нам в ощущениях» – прежде всего, из интересов белорусского народа (причем реальных интересов, а не того, как их представляют себе власти или оппозиция), из интересов Европы и, несомненно, из интересов России. Это значит, я бы поступал аккуратно, постепенно. В нынешней геополитической ситуации резко ставить вопрос о том, что Беларусь должна, как та избушка, «повернуться к России задом, а к Евросоюзу передом», вряд ли получится. Давайте представим, что завтра в Беларуси к власти приходит другой лидер – Иванов, Петров, Сидоров, Милинкевич, не суть важно. Как он сможет осуществить такой выбор? Ведь он не сможет, как в старые времена, когда важнейшие решения принимали элиты, поехать в Брюссель, «ударить по рукам» с Баррозу и Соланой, подписать с ними договор, как когда-то Гитлер и Риббентроп со Сталиным и Молотовым, да еще и скрыть от народа его суть. Думаю, что сегодня такое не пройдет, лидеру необходимо заручиться поддержкой народа. Сегодня в большинстве стран, и Беларусь вряд ли будет исключением, это осуществляется через общенациональный референдум. Значит, нужно спрашивать у людей, учитывать их мнения и настроения.

Так вот, если сегодня поставить перед белорусами вопрос ребром: «Если бы Вам пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Европейский Союз, что бы Вы выбрали?» – соотношение будет 56% vs 30%, т. е. почти 2 vs 1 в пользу объединения с Россией (в скобках замечу, что это вовсе не говорит о желании большинства наших сограждан объединиться с Россией; на прямой вопрос об объединении с Россией «за» проголосовали бы 44%, а 30% «против», а на вопрос о голосовании на возможном референдуме о Конституционном акте Союзного государства «за» проголосовали бы только 35%; но при «черно-белом» вопросе, предполагающем только две возможности, большинство белорусов проголосует все же за РФ, а не за ЕС). Поэтому если новый, проевропейски настроенный лидер сегодня поставит на референдум такой вопрос, то окажется невольным заложником его результатов. Что он будет делать потом, скажет народу: «Нет, вы ошибаетесь, надо делать по-моему»?.. Ему придется или идти против воли народа, или проводить политику, противоречащую собственным убеждениям, тому, ради чего он боролся за власть. Думаю, что любой ответственный политический лидер постарается этого избежать.

Поэтому я и говорю, что нужно действовать очень аккуратно, т. е. проводить соответствующую информационную, пропагандистскую, образовательную, организационную работу, готовить общество к этому. Люди есть люди: можно подумать, средний француз, поляк или белорус с утра до вечера ходит и только думает, куда двигаться стране – на Запад или на Восток... Большинство думает о своих повседневных делах – о семье, работе, отпуске и т. п. Напомню: когда весной 2004 г. перед «большим расширением Европы» прошла серия референдумов во многих странах, правительства готовили к этому публику несколько лет, организуя мощные кампании – культурные, образовательные, информационные. То же самое нужно было бы сделать и у нас: постепенно подготовить общество, и только потом проводить референдум.

Являются ли эти выборы взаимоисключающими? Сегодня это выглядит так, потому что, несмотря на всякие заявления и geopolитические концепции, есть реальная политическая практика российского руководства. Очевидно, что оно не слишком заинтересовано в том, чтобы Беларусь и даже государства, освободившиеся от прямого российского влияния (как Украина или Молдо-

ва), уходили в Европу. При таком положении – с одной стороны Союз России и Беларуси, а с другой Евросоюз – действительно существует серьезное противоречие между возможными геополитическими выборами. Но если осуществить систему действий, о которых я сказал (а для этого нужна смена власти), то мне кажется, можно было бы найти пути решения этой проблемы. Напомню, что во время президентской кампании единственный кандидат от демократических сил А. Милинкевич в своих заявлениях неоднократно подчеркивал приоритетность партнерских отношений с Россией, а его первый визит после избрания на Конгрессе демократических сил был не в Евросоюз, а в Москву.

Александр Милинкевич

Интеграция – это сегодня мировая тенденция. С Россией интеграция также должна быть, но экономическая, поскольку она нам выгодна, и никак не политическая. Независимость и суверенитет для нас несомненная ценность. Моя позиция такова: Беларусь должна интегрироваться в европейские структуры. Да, процесс долгий. И завершать его не нашему поколению политиков. А сегодня задача – максимально использовать возможности пограничного положения Беларуси, приоритетного партнёрства как соседа.

Анатолий Михайлов

Без осуществления такого рода стратегического выбора будущее любой страны не имеет перспективы. Однако этот выбор не может быть просто декларирован. Он должен созреть и произрасти, прежде всего, в сознании интеллектуальной элиты. Но разве наше собственное сознание свободно от мифов и предрассудков идеологизированного прошлого, которыми мы слишком часто оперируем, не отдавая себе в этом отчета?

«Что следует сделать?» Прежде всего, быть критичными по отношению к самим себе. Найти в себе мужество признать совершенные ошибки. Обнаружить в себе способность быть открытыми по отношению к другим в контексте диалога. Стремиться избегать соблазна обвинять других в создавшемся по-

ложении. Приступить к реализации конкретных шагов, могущих на деле способствовать самоопределению страны. Опыт создания Европейского гуманистического университета являлся, например, попыткой конкретного вклада в этот непростой и длительный процесс. Далеко не всегда, к сожалению, приходилось и приходится сталкиваться с должным пониманием того, что мы делали, даже там, где его можно было бы ожидать.

Алесь Михалевич

Я думаю, что СНГ будет жить вечно. Потому что оно никому не мешает. Это не есть какое-то серьёзное образование. Это образование совершенно символическое: нужен был какой-то выход из Советского Союза – несиловой, красивый, с формальным сохранением каких-то связей. Таковым и явилось СНГ.

Для Беларуси будет возникать проблема «где быть?»... Я бы, может, и неставил вопрос так: либо Евросоюз – либо союз с Россией. Но вопрос «туда или сюда» точно есть. Либо Беларусь будет интегрирована во всём: и в экономическом плане, и в плане безопасности, в плане каждой из сфер государственного бытия – в западное сообщество, которое можно условно назвать евроатлантическим сообществом (оно включает не только Европу, но и Соединённые Штаты, и Австралию, и Новую Зеландию – те страны, которые являются «островами Европы», островами европейской цивилизации вне географической Европы), либо мы будем принадлежать к сообществу с Россией как единой, территориально целой страной. Потому что я уверен, что на переходе Беларуси в евроатлантическое сообщество процесс не завершится, и ряд народов внутри России, а также целых регионов захотят определиться в пользу евроатлантической цивилизации. Такие очень сильные тенденции уже сейчас есть в Калининградской области Российской Федерации: по этническому составу она, может, и не является особой среди остальной России (да, там сильный компонент, большой процент белорусов и украинцев, но всё равно русские там преобладают), но значительная часть жителей этой области говорят, что они хотят быть Евросоюзом, хотят быть по ту сторону цивилизации.

Нейтральность и «мост между Востоком и Западом» – это, на мой взгляд, очень несерьёзные спекуляции, не имеющие под собой ничего основательного. Если кто-то хочет быть «мостом» – это значит, он хочет, чтобы по нему регулярно ходили, ездили, топтали. И это не самая лучшая роль.

Беларусь должна определиться: либо она в одном месте, либо в другом. На мой взгляд, будущее Беларуси – это часть евроатлантического сообщества.

Я бы не называл себя еврооптимистом – не люблю определений «еврооптимист», «евроскептик»... До того момента, пока мы всерьёз подойдём к вступлению в Европейский Союз, возникнет вопрос, будет ли существовать Европейский Союз в его нынешней форме. Евросоюз после расширения за счёт новых стран является совсем иным Евросоюзом, чем тот, о вступлении в который мечтали эти страны – Польша, Литва, Латвия или Чехия... То, что должна быть какая-то платформа для определения общих интересов внутри Европы, – бесспорно. Потому что надо максимально упрощать переток рабочей силы, переезд людей – через создание благоприятных условий с теми же визами, например. Но какой будет Европа через 10 лет? На мой взгляд, мы именно через 10 лет реально, серьёзно подойдём к моменту вступления: я имею в виду, что пройдут предварительные переговоры, мы подадим заявку на вступление и т. д. Какой будет в то время Европа – большой вопрос!

Но в этом направлении надо идти. Я не говорю, что это направление – спасение само по себе. Или что бюджет Европейского Союза – спасение для Беларуси. Нет! Но мы должны быть максимально интегрированы в евроатлантические структуры.

Татьяна Протько

Этот вопрос относится к политике государства: как должно вести себя государство, какое направление лучше выбрать... Дело в том, что политическая конъюнктура современного общества довольно сложная: есть проблемы в Евросоюзе, есть проблемы в СНГ. Есть проблемы так называемого «неравномерного развития стран». И моментальная политическая конъюнктура может быть довольно гибкой. В государстве всегда есть хорошие экономисты, которые

просчитают экономическую выгоду, а основываясь на ней, политики примут политические решения.

Сегодня эту гибкость использовало, между прочим, руководство Беларуси. Пользуясь тем, что у России была достаточно сильная ностальгия (и среди политической элиты, и среди избирателей) по советским ценностям, Беларусь предложила им эти ценности, но сама взамен взяла другие – газ, нефть. И предложила свои услуги посредника в торговле с Западной Европой. И эта довольно гибкая политика дала свои плоды: мы сейчас живём достаточно неплохо по сравнению с другими странами. Так как тот экономический взлёт, о котором сейчас любит говорить наше руководство, основывается не на развитии белорусской промышленности, новых технологиях, а на том, что мы занимались своего рода «государственным бизнесом».

В гибкости руководства нашей страны есть определённый политический цинизм: будет выгода – оно будет за европейские ценности, будет доход с чего-то другого – оно будет идти в Россию и радеть об интеграционных процессах.

Как должно быть направлено гражданское общество – вопрос более сложный. Беларусь – именно на изломе различных подходов к жизни, различных систем ценностей, различных религиозных конфессий. И есть много других сфер, где мы имеем границы, разделение на то и на это. Поэтому сказать, что у нас должно быть что-то одно, – это значит присоединить нас к чему-то и поставить проблему перед той частью, которая видит себя по другую сторону черты, в другой системе. И я не думаю, что это было бы очень необходимо и принесло бы пользу Европе или даже тому же «славянству». Может, мы так и останемся мостом между теми и другими, потому что мы достаточно хорошо понимаем недостатки и той и другой сторон и видим лучшее, что есть у тех и у других. И мы можем помочь этим цивилизациям общаться друг с другом на благо всего человечества – увеличивая то, что хорошо, и уменьшая то, что плохо.

Андрей Санников

Я уверен, что Беларусь должна быть только в объединённой Европе, в Евросоюзе. Только формально закрепив свою «европейскость», мы можем

достичь белорусского возрождения. Для меня абсолютно бесспорно, что только там мы можем стать белорусским государством.

На сегодняшний день это взаимоисключающие выборы. СНГ скончалось, и это очевидно даже из того, что происходит между государствами так называемого СНГ, из того, что они пытаются создавать другие организации, которые я даже не могу перечислить, – ЕврАзЭС, таможенные союзы, ШОС... Теперь можно заметить два центра. Первый – Россия, от которой идёт всё то, что я перечислил. Другой центр (тоже не очень удачный) – ГУАМ, Сообщество демократического выбора. Это пока что не очень удачные, но всё же попытки – я не думаю, что что-то против России либо чтобы изолировать Россию, – на европейских ценностях сделать что-то, пока бывшие республики СССР не определились окончательно с выбором.

Для меня выбор однозначен – Евросоюз. Относительно ценности всего остального для Беларуси я не могу согласиться. Для Лукашенко это игра. А белорусы попросту не получают информации.

Даже не об информации речь. В странах, где сразу после получения независимости решили идти в Евросоюз (страны Балтии), проводились кампании, чтобы разъяснить людям. Если даже не стоило убеждать людей, такие кампании всё-таки были нужны для того, чтобы люди сознательно сделали свой выбор. Если у нас будет свобода, тогда можно говорить, чего хотят белорусы – быть с Россией, быть в каком-нибудь СНГ или быть в Европе. Прежде всего должен быть выбор просвещённый, а не тот, который базируется на дезинформации и пропаганде.

Для меня ясно, что никакой союз с Россией (подчёркиваю – никакой!) не будет направлен на поддержку демократического и независимого белорусского государства. Поэтому если речь идёт именно о белорусском государстве, это может быть только в Европе и в НАТО. Потому что должны быть определённые гарантии безопасности, гарантии независимости и возможности сознательно делать выбор, которые сегодня может нам дать только НАТО. Не надо слушать пропагандистской ерунды о НАТО, а надо осознать, что членство в этой организации защищает независимость государства и позволяет участвовать в международных процессах и влиять на них. А то, что Россия отрицательно

относится к возможному нашему членству в НАТО, так для меня это показатель непризнания независимости и демократического развития Беларуси. Россия спокойно согласилась на вступление в НАТО стран Балтии именно потому, что была вынуждена признать их независимость.

Владимир Улахович

Стратегическая задача (вызов, выбор, главное противоречие текущего исторического момента) для Беларуси состоит, если говорить упрощенно, в выживании, постепенном строительстве собственной государственности.

Валерий Фролов

Мы находимся на цивилизационном изломе, и нам нужно стратегически, принципиально выбирать: или мы с Западом, у которого свои ценности, до которых нам еще расти, или с Россией. Если взять последние 300 лет, то, наверное, мы ближе к России. Наш славянский менталитет, наша религия, наша общая история, даже где-то близость языков, колossalная экономическая связь... Нужно что-то выбирать! Я, в общем, сторонник того, чтобы мы были в достаточно тесном союзе с Россией. Безусловно, чтобы и Россия несколько другая была. И мы никоим образом себя не противопоставляли бы Европе, находили бы точки соприкосновения. Да, ни они не плохие, ни мы – мы просто разные. И не надо обезьянничать и быть сильно похожим: мы такие, какие уж есть.

Поведение России, процессы, которые там происходят, неоднозначны. Есть стремление России чувствовать себя влиятельной страной. Нас хотят за уши притянуть, а нужно, чтобы те страны, которые входили в Советский Союз, подобруму тяготели к России, реально видели бы, что в ней происходят серьёзные изменения, и видели смысл и результат от взаимодействия с Россией. Газовые войны и прочее (а прочее, наверное, всё-таки главное, и очень многое прочее хотят определять США) приводят, наоборот, к тому, что и Грузия, и Молдова, и Украина решают: лучше в своей хатке, пусть и небольшой, жить. Вот в чем проблема! Можно критиковать руководство России за это, но я думаю, что после

10 бесшабашных лет, после Ельцина, при тех определенных традициях, которые там сложились, повернуть Россию к демократии в европейском понимании, наверное, достаточно сложно даже при стремлении российского руководства. Поворачивать можно человека, который достаточно спокойно себя чувствует. Думаю, в России еще очень много проблем и достаточно сложная ситуация.

Стратегически, я думаю, Россия наш союзник. Время, в которое мы живем, не способствует осознанию и прочувствованию этого: республики СНГ, как малые дети, разбежались, и, пока (особенно руководство этих республик) не нашкодят, не нахулиганият, опьяненные свободой, трезвой оценки ситуации мы не дождемся.

Станислав Шушкевич

Выбор стоял, стоит и стоять будет. Мне кажется, взаимоисключающий выбор – это если очень категоричная форма. Между категоричной формой «быть российской колонией, непосредственно граничащей с Россией» и «быть европейской страной». Вот такой категоричный выбор! Но это категоричный выбор с точки зрения, я бы сказал, российских «ястребов», которые хотят навязать определённый тип отношений – фактически патерналистский, командный. Это абсолютно неприемлемо.

Что бы мы ни делали сегодня, последнее столетие образовало Запад и Восток, Россию и Евросоюз. И если мы будем присоединяться к тому или другому, нам будет плохо. Мне кажется, что было неплохо сформулировано ещё в 1990–1991 годах: Беларусь – как страна, имеющая опыт государственности, как страна, имеющая свою интеллигенцию, – способна стать нормальным нейтральным государством и в политическом, и в военном смысле. Но, чтобы стать такой, с этим должна согласиться Россия и должна согласиться Европа. Что касается Европы – тут проблем нет. Что касается России – тут проблема есть. И если бы Европа и Соединённые Штаты стали гарантами белорусского нейтралитета... Подчёркиваю: политического и военного, потому что об абсолютной нейтральности говорить нечего. О нейтральности Швейцарии, обусловленной её географическим положением, тоже нечего говорить. Но можно говорить

о развитии нейтральности в финляндском смысле, когда была гарантia со стороны Советского Союза и Соединённых Штатов в смысле нейтральности. Были гарантii Финляндии и Австрии. Мне кажется, что это самое логичное состояние. Резкий перепад – то ли в НАТО, то ли в новый Варшавский договор – одинаково плохо для Беларуси. Я не являюсь сторонником вступления в Евросоюз, в НАТО. Я сторонник НАТО в том смысле, а каком НАТО предъявляет претензии к самим государствам. Но против того, чтобы Беларусь была военным членом НАТО, – это неприемлемо! Ещё раз подчёркиваю: мы на водоразделе – политическом и военном, и наилучшая ситуация – дружеские отношения с Европой и Россией.

Когда Беларусь была провозглашена безъядерным государством, были гарантii со стороны США и России. Но они были преимущественно как декларативная часть в двусторонних соглашениях. Не было такого договора о статусе, как был договор об Австрии, договор о Финляндии. К этому мы стремились, но не дорошли. Я бы сказал, что российские усилия это перебили. И после этого фактически подтвердила доктрина, которую предложил российской власти карагановский Совет по внешней и оборонной политике. Фактически российская внешнеполитическая доктрина, принятая в 1999 году, сгладила формулировки карагановского предложения. Я говорил на встрече с Карагановым: «Как так можно? Вы теперь так хорошо относитесь к Беларуси, а что предложили?» Что они предложили? «В Беларуси и других бывших республиках Советского Союза развиваются процессы национального самосознания, самоидентификации. И чем раньше мы эти процессы остановим, тем дешевле нам будет стоить победа». Вот такие имперские порывы!

К счастью, Караганов после отступил от этого. Фактически он как бы принёс извинения, говорил: мы там много не знали, не видели... Караганов опытный человек, он мог отступить. А что касается остальных, то они неотступно идут по этому пути: Беларусь – это часть России, а белорусский язык – это «российское наречие». Это чисто колониальная имперская политика, не имеющая под собой серьёзной почвы. Только нахрапистость...

Всеволод Янчевский

Насчет СНГ не буду говорить, потому что об СНГ и сказать-то нечего. И создано оно было странно, и существует как-то... По его поводу остается только разводить руками. Может быть, для каких-то нестратегических вещей оно и необходимо, но это второстепенные вещи.

Всё это странно, и СНГ мы оставляем в стороне.

Беларусь оказалась между двух интересных субъектов, которые оба находятся в глубоком кризисе, – между Россией и Европой.

У России очень туманная судьба. На полном серьёзе ведутся разговоры о том, что есть огромный риск раз渲ала Российской Федерации как таковой. Есть огромная проблема азиатской части России – ненаселенной, самодостаточной по своим ресурсам и всё более ориентирующейся на Китай. Есть огромная проблема России, связанная с нефтью. Нынешние нефтедоллары губят Россию, может быть, даже сильнее, чем губил развал 90-ых. Успокоенная и убаюканная очередным нефтяным дождем Россия упускает шанс исправить ошибки 90-ых; стратегически ничего не производится для того, чтобы сделать технологический рывок и вывести страну в XXI век. Нефтегазовый наркотик ужасен! И есть опасность, есть величайший риск, что он может Россию доконать.

На белорусскую модель, кстати говоря, не зря смотрят очень многие в России. Как бы то ни было, но белорусская модель – это модель мобилизации общества. Мы существуем за счет того, что мы производим, а не за счет матушки-природы. Мы выживаем сами. Сама жизнь заставляет нас проводить более грамотную, более поворотливую политику – у нас нет ни черноземов, ни «самотловов».

«Проект Лукашенко» – это мобилизационный проект. В этом самый главный его плюс: это проект развития.

Страна последовательно прошла этап отхода от пропасти, стабилизации и постепенного развития. Да, нет еще бурного развития. Но бурное развитие – следующий этап. Я надеюсь, что он осуществится, ведь «болевые точки» президент нащупывает очень точно: говорит о дебюрократизации государства и экономики. Это те существенные минусы, которые у нас действительно есть.

На это, правда, можно возразить, что нельзя бюрократическими методами освободиться от бюрократии. А какими методами дебюрократизировать? Государство всегда остается государством, оно всегда действовало бюрократическими методами. Даже рыночные реформы изначально проводятся тоже БЮРОКРАТИЧЕСКИМИ методами.

К тому же есть примеры экономик азиатских авторитарных режимов (Сингапур, Малайзия и пр.). Успехи там налицо. Но заметьте! Политический режим – авторитарный (и пожестче, чем у нас), а экономика – отнюдь не либеральна. Отнюдь! В экономиках азиатских тигров были очень существенные элементы либерализма, но были и очень существенные элементы контроля – и всё это очень хитро сочеталось.

Мне думается, президент Лукашенко идет именно этим путем (естественно, с поправкой на нашу специфику).

Думаю, что если бы Россия многие вещи делала так, как делает Беларусь, то это был бы для России шанс. Может быть, это даже единственный путь, которым Россия могла бы идти.

Но Россия продолжает следовать прежним курсом, беря худшее и из печального опыта СССР, и из не менее печального опыта 90-ых. Из советского наследия современная Россия оставила себе наркотическую нефтегазовую иглу (не позволяющую ей сделать технологический рывок) и сверхмонополизацию экономики. А от 90-ых сохранилась кланово-олигархическая система (она к тому же еще и укрепилась) плюс дичайшее социальное расслоение общества.

А Беларусь, отдавая должное почтение СССР (и не устраивая танцы на костях поверженного коммунизма), двинулась дальше. Президент Лукашенко реально уводит страну от самого страшного порока советской системы – от тотальной сырьевой зависимости. Беларусь делает ставку на высокие технологии, науку и информацию. Мы идем путем Сингапура и Малайзии, а не Нигерии или Эквадора.

Да, у нас нет приватизации. И замечательно! Пусть вырастет то поколение здешних бизнесменов, которое готово заплатить, а не взять даром. Пусть придут (не сегодня – так завтра, не завтра – так послезавтра) западные бизнесмены, которые готовы заплатить, а не – опять-таки! – взять даром. Пусть россияне

сюда приезжают и уезжают ровно столько, сколько им нужно, но если они хотят что-то делать – пусть они платят реальную цену.

Почему никто в оппозиции не ставит огромные плюсы президенту за то, что он просто не отдает каким-то негодяям задаром то, что им не принадлежит? Меня все время смешат оппозиционеры, которые укоряют: «Запросили за Белтрансгаз несусветную цену». А какую цену должен просить президент государства? Высокую! Радуйтесь, что он не запросил дешево. Мы должны президента государства обвинять и критиковать тогда, когда он дешево кому-то что-то продает. Если он пытается продать дорого – это очень хорошо!

Даже Ющенко вместе с Тимошенко показали, что «Криворожсталь» можно было продать в пять раз дороже. Я не являюсь сторонником «оранжевых», но это замечательная была акция: она экспериментально доказала, что на просторах Украины, России и, в значительной степени, Восточной Европы произошел грандиознейший обман всех и вся. То, что можно было отдать за реальную цену, за реальные деньги (пусть даже западным бизнесменам!), то, что можно было продать честно и на открытых аукционах, отдали своим. И поэтому чубайсовская идея, что собственник распорядится лучше, не сработала. Потому что весь вопрос в том, какой собственник.

Да, собственник, который сам это создал, распорядится лучше. Да, собственник, который нечто купил и заплатил за это реальную цену, распорядится лучше. Но собственник, который получил даром, – это продолжение советской коммунистической системы в новых ее формах.

Россия пошла по естественному пути эволюции советской системы: номенклатура решила объявить себя властью уже и материально, т. е. приватизировать открыто то, чем раньше она управляла «от имени народа».

Беда нынешней России даже не в том, что справедливости нет в обществе. Беда в том, что новые собственники не действуют эффективно, а транжирият и паразитируют на том, что они не заработали.

Американская собственность так не вырастала. Происходил естественный отбор: тот, кто мог создать фирму, самим фактом её создания показывал, что у него мозги работают так, что он может делать это дело. А когда вы просто отдаете завод любому человеку на улице (или бандиту, или бывшему чиновнику),

что он сделает с этой собственностью? Очень мало хорошего, потому что он не приспособлен к этому.

И в России, и на Украине пришло очень много таких вот неподготовленных и полуподготовленных людей. Они отлично умели захватывать что-то, но не умели им распорядиться. Люди, которые зарабатывали бы это всё сами, были бы на порядок эффективнее. Или западные собственники, которые заплатили бы реальную цену, были бы тоже на порядок эффективнее.

Поэтому нам нечему учиться у России.

Мы в очень сложном положении – между стареющей Европой и тяжело больной Россией. А потому наша тактика может быть только одной – ситуативность: каждый день смотреть, что выгодно нашему государству. Так действует Лукашенко. Позиция абсолютно разумного pragmatизма!

Очертя голову бросаться туда или сюда нам нельзя! Ющенко абсолютно не-прав, когда говорит: «Украина пойдет в Европу». Для того чтобы Украине пойти в Европу, ей надо проделать путь длиной лет в 10–15 минимум, может быть, больше. Все говорят, что это сложно, долго и т. д. Но не это главная проблема.

Я поставлю вопрос по-другому: а какой Европа будет к этому времени?

Это ошибка очень многих политиков. Люди мыслят статично, но мы живем не в каменном веке и не в средневековье. Мир меняется очень быстро: на протяжении не то что поколений, а 5–10 лет он может измениться кардинально. Измениться может вообще всё полностью.

Мы же все хотим стабильности и предсказуемости. И хотим строить планы на годы вперед. Это главное противоречие современного человека. Это ужасающее противоречие между природой человека (часто стремящегося к покою) и стремительнейшим темпом порожденной им цивилизации, суть и дух которой – это динамика, изменение. Здесь всё делается ради изменений, здесь всё меняется. И человек не поспевает. Может быть, когда-то это колосальное противоречие разродится каким-то огромным катаклизмом для всей нашей цивилизации.

Мы всё не можем привыкнуть к этому темпу, нам всё хочется построить какие-то долгосрочные прогнозы. Но постепенно мы вступаем в период, когда долгосрочные прогнозы вообще будут невозможны.

Беларусь: ни Европа, ни Россия

Как можно наметить цель в абсолютном тумане? Более грамотно – двигаться «в пределах видимости». И только в пределах видимости. И не загадывать на годы вперед.

Советский Союз это, кстати, и погубило: очень любили загадывать на дальние перспективы и не предугадали собственную гибель.

KAMUNIKAT.org